

И.Г. Добродомов

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА ОЛУХ

Русское слово *олух*, зафиксированное языковедами в литературных текстах со второй половины XVIII в., вызывало постоянный интерес языковедов, высказавших множество предположений о его происхождении, начиная с не получившей никакой популярности этимологии Ф.И. Рейфа от арабского *الوقى elvèk* ‘дурак; глупый’ (= франц. *sot*)¹. Даже если и существует названное Ф.И. Рейфом арабское слово *الوقى* ‘алвак (в современной русской транскрипции)² от корня *لوقى لوقى* *лвқ* (*لوقى* *лāқа* ‘размягчать’), то все-таки остается совершенно неясным, как оно могло попасть в русский язык и измениться в *олух*.

Также основанная на недостоверном материале этимология Н.В. Горяева: “**Олух-ъ, олуш-ек-ъ** ср. с лат. *al-ū-c-u-s* и *ul-ūc-u-s*, откуда итал. *alocco* и *locco* (‘сова’ и ‘глупец’), в некот. его нареч. *loucch*, исп. *loco*, порт. *louco*, прованс. *locou* (‘глупый’) (у Дица)³ – не вызвала ни у кого энтузиазма также и в силу слабости фонетической стороны: как могли измениться романские слова в *олух* – неясно, как и пути их движения в русский язык.

Кроме общих кратких обзоров других неутешительных этимологий слова *олух* в русских этимологических словарях, существует довольно подробный обзор⁴ разных версий применительно к этому слову, сделанный В.В. Виноградовым, который практически отверг все собранные им этимологии неутешительными словами: “Но каково бы ни было происхождение слова *олух*, в русском литературном языке оно стало широко употребительным лишь с XIX в.” (с. 951).

Проанализированные В.В. Виноградовым, а также некоторые не учтенные им этимологии были повторно разобраны мной в особой статье⁵, поэтому нет надобности снова к ним возвращаться, но следует разобрать здесь только версии, не отраженные в указанных обзорах.

В 2000 г. в Институте славяноведения и балканистики Российской академии наук была защищена кандидатская диссертация Ф.Б. Успенского “Славяно-скандинавские контакты периода христианизации по данным языка”, где была выдвинута совершенно бездоказательная этимология слова *олух*, как возникшего, по его мнению, в результате апеллятивизации и пейоративизации скандинавского имени *Олав* (*Óláfr*), якобы широко известного на Руси⁶, что истине, по-видимому, не соответствует. Во всяком случае аутентич-

ными примерами употребления скандинавского имени *Óláfr* на Руси и его соотнесения с загадочным русским именем *Олух* мы, к сожалению, не располагаем, как не располагал ими и Ф.Б. Успенский.

В отличие от славянского открытого *o* [= *a*^o], скандинавское начальное *ó* было закрытым звуком, поэтому последнее обычно передавалось на русской почве как *у*, что и имело место в русском языке при обычном оформлении скандинавского личного имени *Óleifr*, *Óléfr* (Ф.Б. Успенский считает его разновидностью имени *Óláfr*) как *Улѣбъ*, *Оулѣбъ*, причем Ф.Б. Успенский старается подчеркнуть значимость редкой и явно вторичной формы *Олѣбъ*⁷. На Руси скандинавское имя *Óláfr* должно было отразиться как *Улав/Улаф* или с протетическим *j* (как в словах с новым начальным *у*- типа *юдоль*, *юродивьи*) *Юлав, *Юлаф что и находим в византийских “Советах и рассказах Кекавмена” XI в. в форме *‘Ιούλαβον*⁸, предполагающей славянское посредство, но форма этого имени в византийском источнике Ф.Б. Успенского не интересует.

В построениях Ф.Б. Успенского, основанных на весьма шатком и чисто умозрительном отождествлении старого русского имени *Олух*⁹ со скандинавским именем *Óláfr*, весьма важное место занимают рассуждения общего характера без примеров, как бы направленные на рассматриваемое имя: “Говоря о варяжских именах в *о о б щ е* [разрядка моя. – *И.Д.*] и об интересующем нас имени в частности, трудно не обратить внимания на следующую особенность [чего? – *И.Д.*]: отдельные скандинавские имена прочно входят в русский антропонимический фонд и сохраняются в нем достаточно долго [примеров нет. – *И.Д.*], тогда как другие относительно скоро исчезают, так и не преодолев, по-видимому, стремительного ослабления скандинавского влияния на Руси”¹⁰.

Противоречащие своим фантастическим соображениям факты Ф.Б. Успенский предпочитает просто не замечать, как им остались проигнорированными не столь уж редкие фамилии типа *Алфёров*, *Алферьев*, *Олфёров*, *Олферьев*, *Елеферьев*, *Луфёров* и *Елевтерский* (восходящие в конечном итоге к греческому имени *Елевферий* (*‘Ελευθέριος*)¹¹, которые мешали бы словам о том, “что имя *Елевферий* вообще было относительно редким”, что не соответствует истине, поскольку, по подсчетам Н.С. Лескова в “Полном месяцеслове” есть девять *Еливфериев*¹², чем и объясняется распространенность имени *Елевферий* и его модификаций на Руси.

На этимологические соображения Ф.Б. Успенского откликнулся А.Ф. Журавлев (его заметка публикуется в данном выпуске “Этимологии”, с. 117–119), который, не пускаясь в критику явно ошибочных этимологических соображений Ф.Б. Успенского, выдвинул идею о связи чисто русского слова *олух* с синонимичными ему: *блр. ёлуп*, *ёлон*, *ёлупень* (сюда ли *ёлан* ‘неплодородная песчаная почва’) с

производными *ѣлупиць* ‘вытрэшчваць вочы’; *ѣлуплівы* ‘вытращаны (об вачах)’, ‘дурनावаты’); укр. *йóлон*, диал. *йолопéга*, *йóлуп* (производные *йолоповáтий*, *йолуповáтий*); польск. *jołop*, келецко-варшавское *jełop* и неправильное (niepoprawn e) *jałop*; рус. диал. *елóп* бранно ‘дурак, остолоп, олух’ (новорос.) – слово употреблено и в толковании: “*Ельман?* м. ярс. *елоп*, дурак, дурень, болван” – Даль³ I, 1292), *ѣлуп* (смол.)¹³, причем новейший “Словарь смоленских говоров” (вып. 4. Смоленск, 1985) слова *ѣлуп* не фиксирует.

Далее А.Ф. Журавлев развивает предложенную В.В. Мартыновым этимологию загадочного слова *ѣлуп* в связи с глаголами *лупить*, *лускать*, *лущить* и т.д.¹⁴, хотя уже более века назад Ф.Е. Корш сообщил редакции академического “Словаря русского языка” свою оставшуюся незамеченной весьма остроумную восточную этимологию, о возможности которой проникательно говорил Ф. Славский (*mozé rożyczka orientalna*), не зная соображений Ф.Е. Корша: “**Елóп** {...} (Ср. польск. *jołop*, малорос. *ѣлон*, *ѣлуп*: болван, белор. *ѣлуп*: с выпуч. глазами, дурак; тюркск. *алып*: великан, богатырь; ср. *болван*, при кирг. *балуан*: богатырь, силач, Ф. Корш). Болван, дурак, остолоп. Новорос. (Д.⟨аль⟩)”¹⁵.

Ф.Б. Успенскому и А.Ф. Журавлеву осталась неизвестной моя специальная статья о русском слове *олух*, где более подробно, чем у В.В. Виноградова, был подведен итог рассмотрения этого слова в существующей (в том числе и в неучтенной у В.В. Виноградова) литературе и сделан вывод о том, что верна тюркская этимология¹⁶, предложенная А.Г. Преображенскому Ф.Е. Коршем: “Корш (письмом) допускает заимств. из чагат. *алук растерянность, одурение*” (Преображенский I, 648) – сурово оцененная М. Фасмером (*Unwahrscheinlich auch die Annahme einer Entlehnung aus dschagat. aluk ‘Verdummung, Verworrenheit’*)¹⁷ и вслед за М. Фасмером легковесно отвергнутая В. Виноградовым (“Но и эта тюркологическая этимология произвольна и не имеет никакой исторической достоверности”) и что именно она заслуживает гораздо более пристального внимания, что проникательно оценил еще в 1935 г. Б.М. Ляпунов: “Жаль, что Ф.Е. Корш не высказал своего предположения в печати”¹⁸.

Действительно, в представленном у А.Г. Преображенского виде соображения Ф.Е. Корша не представляются убедительными, но дело существенно меняется, если мы примем во внимание весь тюркский материал в совокупности.

Чагатайское *алук* имеет хорошие соответствия на тюркской почве, начиная с древнетюркской эпохи: *aliq* ‘прихоть, капризы, своеволие’, *aliq er* ‘грубый, невежественный (или плешивый, лысый?) мужчина’; *aliḡ* (огуз., кыпч.) ‘плохой’¹⁹.

В тюркских словарях и памятниках XIII–XIV вв. соответствия этому слову также обнаруживают колебания: в словаре XIII в.

العج *алыф* ‘трус, трусливый’, в золотоордынской поэме “Хосрау и Ширин” Кутба *العج алыф* ‘плохой, низкий, дурной, дурак, слабый’²⁰.

Уже в памятниках XIV в. встречается также форма *алу* ‘слабый, недостаточный’; слабость’²¹.

В старинных чагатайских словарях слово *алуқ* (*الوق, الوقى*) в одной и той же цитате из III Дивана Алишера Навои толкуется то как ‘состояние смущения’ (Бада’и‘ ал-луғат), то как ‘печальный, расстроенный’ (Абушка), то как ‘дурак, слабоумный’ (Шейх Сулейман), что нашло отражение и в европейских словарях чагатайского языка²², а также в чагатайском материале сравнительных словарей Л.З. Будагова и В.В. Радлова.

В “Сравнительном словаре турецко-татарских наречий” Л.З. Будагова (т. I. СПб., 1859, 59, 796) для чагатайского даются параллельные формы *алўф* (*الوع*) и *алўқ* (*الوقى*) ‘огорченный, сокрушённый, расстроенный; потрясение мозга’, а также *الوقى алўқ* ‘огорченный, смущенный, потерявший рассудок’ и алт. *الو алу* ‘глупый, дурак’.

К концу XIX в. благодаря “Опыту словаря тюркских наречий” В.В. Радлова (т. I. СПб., 1893, 372, 373, 387, 388) было известно, что слово *алуф/алыф* и близкие формы распространены в современных тюркских языках от Восточной Сибири до Причерноморья: осм.-тур. *алык* ‘глупый, застенчивый, сумасшедший’; леб., шорск., саг., койб., кач., кюэр. *алыћ*, телеут. *алу* ‘глупый’; чагат. *алуқ* (*الوقى*) ‘печальный, угрюмый; унылый, сумасшедший’.

Широкая известность этого слова в современных тюркских диалектах и литературных языках Европы и Восточной Сибири (гагауз. *алык* ‘сумасшедший, слабоумный, придурковатый’; тур. *alık* ‘слабоумный, придурковатый, дурашливый’; алт. *алу* ‘глупый, дурак’, хакас. *алыф* ‘дурак; глупый’)²³ позволяет думать о его общетюркском характере, причем в соответствии с сравнительно-исторической фонетикой тюркских языков на чувашской почве оно должно иметь облик **улāх* (в более архаичном верховом диалекте **олāх*) или **улā/*олā*.

Сравнительная фонетика тюркских языков дает следующие основания для реконструкции чувашской формы **улāх/*олāх*:

1) тюркский гласный *a* в начальном слоге на булгаро-чувашской почве изменяется в *o* (верховой диалект) или в *y* (низовой диалект);

2) гласный *y* (во втором слоге) изменялся в редуцированный гласный *ā* с сохранением лабиализации;

3) глубокозадняяязычный согласный *ç* изменялся в *x*, а в конце слова часто вообще исчезал, что в результате дало бы более важные для нас и объективно более архаичные формы верхового диалекта **олāх* (или **ола*) с ударением на первом слоге: с конечного слога с редуцированным (бывшим узким) гласным в верховом диалекте ударение перемещается к началу слова²⁴, отступая от характерного для

тюркских языков конечного ударения, что и отражено в русском *олух*.

Если исходить из реконструированной формы **ола̋*, то конечный согласный в рус. *олух* придется объяснять как собственно русскую суффиксацию.

Однако чувашский язык не знает реконструированных форм **ола̋х*, **ола̋*, соответствовавших бы чагат. *алуқ*, что объясняется сильной обновленностью чувашской лексики новообразованиями и заимствованиями.

Дело в том, что русское слово *луг* ‘сенокосное или пастбищное угодье с обильной травой’, проникшее в чувашский язык, приобрело в нем облик *ула̋х/ола̋х* (ср. также татар. *олык*, мар. *олык*, горно-мар. *алык*) и вытеснило старое тюркское слово **ула̋х/*ола̋х* заимствованиями, а также разного рода метафорами и фразеологизмами²⁵.

Тюркское слово проникло и в другие языки: перс. *علف* *алиф* ‘изнеженный, женоподобный; постылый, бесчестный, позорный, гнусный’; камас. *alı* ‘безумный, сумасшедший’; котт. *ālu*²⁶ ‘глупый, наивный, простоватый; свирепый, несдержанный’, чем иллюстрируется принцип неединичности заимствующего языка, состоящий в том, что чаще всего заимствование не ограничивается одним каким-либо языком, а распространяется на ряд соседних языков.

Тюркская этимология для рус. *олух* хорошо обоснована фонетически и семантически, хотя (как и все другие этимологические версии) оставляет открытым вопрос хронологии.

Примечания

- ¹ *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по алфавиту, или этимологический лексикон русского языка. Т. 1. СПб., 1835. 641.
- ² Его не фиксирует современный “Русско-арабский словарь” Х.К. Баранова (М., 1970).
- ³ *Горяев Н.В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. 238.
- ⁴ *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. 1969. № 1, 20–22. Неточно перепечатано: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977, 285–287; *Виноградов В.В.* История слов. М., 1994, 950–952 (Есть издание 1999 г. с новыми ошибками).
- ⁵ *Добродомов И.Г.* Мальтретируемый тюркизм *олух* чувашско-булгарского происхождения // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. III. Абакан, 1999, 55–65.
- ⁶ В двух близких версиях этимология сейчас опубликована: 1) *Успенский Ф.Б.* Варяжское имя в русском языковом обиходе (К этимологии слова “олух”) //

- Древнейшие государства Восточной Европы. 1999: Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001, 263–280; 2) *Успенский Ф.Б.* Варяжское имя в русском языковом обиходе: К этимологии слова “олух” / Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002, 111–137 (далее ссылки даны по второй публикации).
- ⁷ *Успенский Ф.Б.* / Скандинавы. Варяги. Русь, 119, 135.
- ⁸ Там же, 132.
- ⁹ Которое Б.М. Ляпунов на базе примера двинских грамот приведенного А.А. Шахматовым материала убедительно соотносит с греческим именем *Олуферии (Елевферии – Ἐλευθέριος)*: *Ляпунов Б.М.* О некоторых образованиях имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках // Академия наук СССР. XLV. Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935, 257–261.
- ¹⁰ *Успенский Ф.Б.* / Скандинавы. Варяги. Русь, 120.
- ¹¹ *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989, 32, 46, 48, 49, 51, 348.
- ¹² *Лесков Н.С.* Генеалогический туман // *Лесков Н.С.* Соб. соч. В 11 тт. Т. 11. М., 1958, 117–121.
- ¹³ ЭСБМ III, 186–187; ЕСУМ II, 327; Słowski I, 583–584; СРНГ 8, 346, 349. Vasmer I, 397 к исходному материалу (Даль³ I, 1291: *Елоп* [м.] *нврс.* дурак, дурень, остолоп, болван) добавил из неуказанного источника *ёлоп*, но для обеих форм сохранил помету Даля *Neurussl.*, которая в русском издании почему-то заменена на *южн.* (Фасмер II, 17).
- ¹⁴ *Мартынов В.В.* Славянские протезы и этимологическая эвристика // *Этимология* 1984. М., 1986, 129 и сл.
- ¹⁵ *Словарь русского языка*, составленный Вторым отделением имп. Академии наук, т. II, вып. 1. СПб., 1897. 98. К этой статье в словаре есть отсылки: “**Елуфѣим** ⟨...⟩ То же, что елоп (Ф. Корш) – Ср. е р у х ѣ л” (стб. 95). “**Ерухѣл** ⟨...⟩ (ср. имя Иерофил). Насмешливое прозвище скупого, прижимистого человека. Покров. ((С.П.) Мухан.(ов))” (стб. 191).
- ¹⁶ *Добродомов И.Г.* Указ. соч., 55–56.
- ¹⁷ *Vasmer* II 265. В русском обратном переводе значение чагат. *алук* приобрело вид ‘поглупение; отупение, растерянность’ (*Фасмер* III, 136–137).
- ¹⁸ *Ляпунов Б.М.* Указ. соч., 258.
- ¹⁹ *Древнетюркский словарь*. Л., 1969, 35, 41, 644.
- ²⁰ *Houtsma M.Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar Leiden, 1894, 53, *Курьшижанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – “Тюркско-арабского словаря”. Алма-Ата, 1970, 83; *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык, т. I. Ташкент, 1966, 45; *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале “Хосрау и Ширин” Кутба, книга I. М., 1979, 233.
- ²¹ *Caferoğlu A.* Kitâb al-İdrâk li-Lisân al-Atrâk. Endülüstlü. Esiriddin Abu Hayyan eseri İstanbul, 1931, 3; *Zajęczkowski A.* Studja nad językiem staroosmańskim. I. Wybrane usterpy z anatolijskiego przekładu Kalify i Dimny. Kraków, 1934, 101.
- ²² *Боровков А.К.* Бада’и’ ал-луфат, Словарь Ҷали’Ймāни Гератского к сочинениями Алишера Навои. М., 1961, 74; *Вельяминов-Зернов В.В.* Словарь чагатайско-турецкий. СПб., 1868, 27; *Kúnos I.* Šejx Sulejman Efendis Çağataj-Osmanisches Wörterbuch. Budapest, 1902, 11: Budala, mejzub, mejnun, bejni, oinamis – Dumm, Verrückter, wahnsinnig; *Pavet de Courteille.* Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1870, 35: triste, troublé, qui a la cervel derangée; *Zenker J.Th.* Türkisch-

- arabisch-persisches Handwörterbuch. Bd. I. Leipzig, 1866, 92: еingenommen (geistig) von Erstaunen, Bestürzung, Betrübniß, Liebe u.w.; occupé de q.ch.; stupéfait, troublé, attristé, amoureux.
- ²³ Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973, 44; Турецко-русский словарь. М., 1931, 61; Ойротско-русский словарь. М., 1947, 17; Хакасско-русский словарь. М., 1953, 24.
- ²⁴ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 72, 78, 131, 137; Егоров В.Г. Чăвашла-вырăсла словарь. Шупашкар, 1935, 301.
- ²⁵ См. их перечень в автореферате: Исаев Ю.Н. Чувашиские эмотивные антропо-семизмы и их синонимические ряды (пейоративное синонимическое поле “человек”). Чебоксары, 2002, 12–16, 17–18, 20–21.
- ²⁶ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, 116; Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen (= MSFOu 130). Helsinki, 1952, 65–66.

А.К. Матвеев

СУБСТРАТНЫЕ ТОПОНИМЫ С ДЕТЕРМИНАНТОМ -КОНДА В ПОВАЖЬЕ

В субстратной топонимии бассейна Ваги, крупного левого притока Сев. Двины, наряду с широко распространенными на Русском Севере (РС) структурными типами с формантами *-Vньга*, *-Vша* и т.п., есть и ряд узколокальных, которые находят соответствия на более южных территориях – в исторических мерянских землях (ИМЗ). Именно вокруг этих наименований завязалась в последнее время оживленная полемика¹. За пределами научной дискуссии остались, однако, еще некоторые характерные для Поважья топонимические типы. Среди них особый интерес представляют до сих не интерпретированные названия населенных пунктов и угодий с детерминантом *-конда*, которым и посвящена эта статья. Материал извлечен из картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета.

К настоящему времени в Поважье выявлено 18 топонимов с детерминантом *-конда*, в том числе 5 ойконимов (куст деревень *Кь́рконда*, деревни *Пáсконда*, *Рáчконда*, *Сóроконда*, *Шь́рконда*). Другие названия обозначают луга (*Вóшконда*, *Ёшконда*, *Кéроконда*, *Кúмсконда*, *Мáйконда*, *Мéрконда*, *Лáвконда*, *Шóрконда*) и поля (*Вáськонда*, *Мúрконда*, *Нáрконда*, *Пéчконда*, *Тéпконда*). Ударение всегда находится на первом слоге. В гласных анлаута и ауслauta колебания не отмечены. Однако в предпоследнем слоге, т.е. в анлауте детерминанта обычно фиксируются как формы с *о*, так и *а* (*Кь́рконда* – *Кь́рканда*, *Нáрконда* – *Нáрканда* и т.п.), хотя встреча-